

Содержание

Альбом для марок

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЕВРОПА

ДО ВОЙНЫ	11
ВОЙНА	38
КВАРТИРА	67
ОТЕЦ	90
БОЛЬШАЯ ЕКАТЕРИНИНСКАЯ	132

ТОМ ВТОРОЙ

ЮБЕРЗЕЕ

СЕМИЛЕТКА	203
УДЕЛЬНАЯ	244
НОВАЯ ЖИЗНЬ	264
ВГИК	305
ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ	340

Портреты

НУМИЗМАТ	383
ДИМА РОЩИН	398
ПРОЦЕДУРНАЯ СЕСТРА	405
СОСЕД ПО ОЧЕРЕДИ	410

ВОРКУТЯНКА	412
АРХЕОЛОГ	415
ДВОЙНИК	421
ХИТРИН	423
ВНУК	431
ИЗДАТЕЛЬ	435
ЧУКОВСКИЙ	438
ЗЕНКЕВИЧ	441
АХМАТОВА	447
ВИНОКУРОВ	455
СЛУЦКИЙ В МАЛЕЕВКЕ	460
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЧЛЕНКОР	470
АВСТРИЙСКИЙ КОММУНИСТ	471
ЭРЬЗЯ	476
СЛОВИСТ	481
ХУДОЖНИК	483
ЮГОРОССЫ	486
ТАЙГАС	491
ДЕЛА ЛИТОВСКИЕ	494
РОДОВСПОМОГАТЕЛЬ	502
МИНИСТРЫ	504
ЖЕМАЙЧЮ КАЛЬВАРИЯ	508
О БРОДСКОМ	513

ТОМ ПЕРВЫЙ
ЕВРОПА

ДО ВОЙНЫ

Я лежу на мамином топчане и сквозь струганую перегородку вижу, как в моей комнате обсыпанные мукой белые люди кухонными ножами режут тугие рулоны теста. У меня воспалилась желёзка на шее. Из Малаховки приезжает на велосипеде статный хирург, которого я зову Гастрономом. Он входит ко мне с шоколадками и в один прекрасный день днем под зажженной лампочкой на столе в столовой — мама и бабушка держат меня — делает операцию.

— Сделал, как барышне. Шов такой, что никто не заметит.

Соска давно не нужна, но расставаться жалко. Папа сводит меня по насыпи, кладет соску на рельс и показывает рукой:

— Сейчас пойдет электричка.

Я гляжу в сторону Малаховки. Электричка быстро проходит. Мы снова у рельса, на нем пусто. Мне легко, что всё позади, и уже не жалко; и жутко, что так пусто.

Все надо мыть; мы моем тоненькую морковочку с грядки в помойной бочке. Вадику ничего. Мне от дизентерии доктор Николаевский прописывает белую, как простокваша, тухло-солено-сладкую микстуру. Живот болит много лет.

Анна Александровна, монашка от Тихоновых, приносит известие:

— Дети — цветы жизни выкинули доктора Николаевского из электрички. На полном ходу.

ДЕТИ — ЦВЕТЫ ЖИЗНИ написано на моей любимой маленькой вилочке. На больших — 3-Д ТРУД ВАЧА. Железные ножи-вилки долго пахнут. На террасе за обедом мама/бабушка под руку предупреждают:

— Селедочный нож!

Хорошие — ложки, особенно чайные ложечки. Они серебряные, на них клеймо с Георгием Победоносцем и фамилия САЗИКОВЪ. Такой фамилии ни у кого нет.

У Авдотьи гостил мальчишка Маркслен Ангелов. Потому что его отец — болгарский революционер. Юрка Тихонов сразу не понял, переспросил:

— Марк-Твен Ангелов?

У папы на работе есть знакомый Вагап Басырович.

Меня папа хотел назвать Виктором; мама назвала в честь Андрея Болконского. В роддоме соседка презрела:

— Что такое деревенское имя дали?

Сама родила. Назвала своего Вилорий. Мама съязвила:

— Что ж вы такое церковное имя дали?

Соседка возмущена: Вилорий — Владимир Ильич Ленин Отец Революций.

У мамы душа в пятки.

Мама и бабушка всегда боятся:

— Не бери в руки — зараза!

— Не трогай кошку — вдруг она бешеная!

— Там собака — смотри, чтоб не тяпнула!

— Вон идет человек — смотри, чтоб он тебя не стукнул.

Я всматриваюсь, напрягаюсь, мокну под мышками, устаю — и спешу приткнуться к маме, бабушке, к утешительному занятию — чтобы один и в покое.

Спокойно и интересно листать разноцветные детские книжки:

Анна Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят
Бегемот провалился в болото
Девочка чумазая,
Где ты ноги так измазала?
На Арбате в магазине
Зубы начали болеть
И немытый, и небритый
Человек сказал Днепру
Не завидуйте другому,
Даже если он в очках
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной
Мой знакомый крокодил
Может, снова можно драться
Значит, деду нужен бром

Уютно перерисовывать в юбилейные пушкинские тетрадки маленького Пушкина и маршала Ворошилова. Он лучше всех вождей, лучше него только Сталин, самый приятный, добрый, успокоительный — неотъемлемая часть моего детства.

— СПАСИБО ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО — я представлял себе: низкое солнце, зима, просто стоят четырехэтажные с большими окнами — как новые школы — дома, по широкому тротуару спокойно, не торопясь идут люди, дети тащат на веревке салазки. Все это чуть-чуть под гору.

Читать-писать меня никто не учил, все сам. В тридцать восьмом красным карандашом на первой странице нового краткого курса с нажимом вывел нестираемое ГОВНО. Папа не сразу заметил, чуть не взял на политзанятия. При-

шлось нести бабушке в печку. Мне не попало, больше того, бабушка ласково:

— Домашний вредитель.

Ребята рассказывают, что в соседнем доме поймали шпиона. Он по ночам в ванной зашивал себе выше локтя под кожу военные тайны.

Взрослые говорят, что на обложках моих пушкинских тетрадок в *Вещем Олеге* и *Лукоморье* — контрреволюционное. Если в численнике перевернуть Калинина вверх ногами, получится Радек. Радек сочиняет все анекдоты, его не расстреляли — а то кто будет писать передовые статьи?

В синей красивой истории для пятого класса я нахожу на пуговице у Ленина-гимназиста четкий фашистский знак.

Барто подталкивает:

— Наш сосед Иван Петрович
Видит всё всегда не так.

Общественница из красного уголка объясняет:

— Гофмана арестовали за то, что у него нашли фотографию Троцкого.

Гофман — партизан-дальневосточник — держал за заборчиком пару немецких овчарок. Наши мамы его ненавидели: всегда лез без очереди, размахивал красной книжечкой.

Красная книжечка — взрослые произносят медленно, осторожно. Но наш дом во все горло зовут Большим домом — он самый большой в переулке: пять этажей с полуподвалом. Вокруг осевшие флигели, а наш красивый поставили в четырнадцатом году прямо на речке Капле. Когда по Капельскому идет трамвай, стекла в рамах подрагивают.

На углу Первой Мещанской была церковка Троицы-Капельки. Построил кабатчик: с согласия не доливал всем по капельке. На месте церковки пустота и лужи с ярко-крас-

ными сколами кирпичей, как у бабушки во дворе, — а вокруг пустоты серый высокий дом со 110 почтовым отделением. Со стороны Первой Мещанской — колоннада, папа ведет меня на возвышении между ребристыми колоннами. Папа восхищается современной Первой Мещанской, только окна в домах низкие. И еще — посередине улицы *деревья чудные были* — все срубили.

В переулке зимой человек без пальто, опухший, в очках просит у мамы двадцать копеек. Она достает рубль:

— Несчастный.

Когда мы с ней в городе, она покупает мне разрезанную круглую булку с горячей микояновской котлетой, а сама ждет.

Микояновская, по-моему, вкуснее домашней, но сказать нельзя — обидишь. И жевать на виду в булочной — как будто кто подгоняет.

Старые дамы спрашивают через прилавок:

— Франзольки у вас свежие?

На стенах домов рекламы:

Я ЕМ ПОВИДЛО И ДЖЕМ
ВСЕМ ПОПРОБОВАТЬ ПОРА БЫ,
КАК ВКУСНЫ И НЕЖНЫ КРАБЫ!

Вечером на брандмауэре — кино: три поросенка поют с умильным акцентом:

— Кушай больше ветчины!

В дни полочки папа приносит домой двести граммов любительской колбасы, нарезанные в магазине тоненькими лепестками.

Мама отдает книгоноше Брокгауза-Ефрона, он занимал доверху все полки сбоку на мраморном подоконнике. Придя

с работы, папа хватается за голову: осталась одна Малая советская, и та неполная.

Папа не вырезает из энциклопедии статьи и не заклеивает портреты.

Летом в Удельной полоумная жилища Варвара Михайловна показывала маме книжки с Тимирязевым и Сталиным:

— Посмотрите, какое благородное лицо. А этот — совсем без лба!

Папа рассказывает о делах в Тимирязевке: сослуживец доцент Дыман появляется по воскресеньям в церкви — высматривает знакомых. Поручили: партийный.

— Противный, — говорит в рифму мама.

Дыманá наведываются к нам по нескольку раз в зиму.

Большая Екатерининская. Мы сидим на скамеечке перед печкой. Чуть растопится, дверцу скорей закрывать: перевод дровам. Смотреть на огонь увлекательно, но нельзя. Сегодня — можно.

Бабушка перебирает бархатный с золотыми застёжками семейный альбом и отстригает головы от солдатских мундиров с погонами:

— Были бы лица целы!

Иногда говорит в стену:

— Садист! — Или в окно: — Сифилитик!

Я слышал, маме она вполголоса признавалась:

— В уборной попадетсá портрет в газете — я помнó, помнó, а все-таки переворачиваю, все-таки человеческое лицо...

Бабушка так неотъемлема, что я, унижая сверстника во дворе, как-то вознесся:

— Тебя одна мама родила, а меня — мама и бабушка!

Мне не внушают, что можно, чего нельзя, но я только раз безумно соврал во дворе же, что мой папа — царский генерал. Опять не попало.

В другой раз похвастался — даже понравился. Каянна — Клара Ивановна — наклонялась:

— Ну, Андруша, ну скажи еще раз, как сказал?

— У меня папа военный, мама военная и бабушка — военная старушка.

Формы и знаки различия заворачивают — кубики, шпалы, четыре ромба со звездой, красные обшлага, нашивки на рукаве. Роскошней всего — казачьи лампасы, пронзительней — будённовские усы.

Остроконечность будёновки это военная хитрость: из окопа покажется острый кончик — его-то враг и прострелит.

В разноцветной книжке Будённый приезжает в детский сад и дает потрогать саблю и усы. Называется книжка *Будённыеши*.

Меня привели в новую парикмахерскую ЦДКА. Я не свожу глаз с мужеподобной женщины в лётной форме. Раскова? Гризодубова? Осипенко? Маме ничего не стоит спросить. Вера Ломако. Тоже готовилась лететь Москва—Дальний Восток.

Имена моего детства:

Самолет Максим Горький — ледокол Челюскин

Отто Юльевич Шмидт — капитан Воронин

Молоков — Каманин — Ляпидевский — Леваневский и пр.

Чкалов — Байдуков — Беляков

Громов — Юмашев — Данилин

Раскова — Гризодубова — Осипенко

Папанин — Кренкель — Ширшов — Федоров

Бадигин — Трофимов

Самый главный — Чкалов. Моложе меня уже много Валери-ков. И вдруг мамы рассказывают друг другу и плачут. Чкалов, говорят, врезался в свалку. Я представляю себе черный ход, дворницкую, деревянный ларь для очисток — и из него торчит маленький самолетик.

Может быть, на него из дворницкой глазают татары.

Татары-старьевщики кричат под окнами:

— Старьем-берем! Шурум-бурум!

Их заводят на кухню с черного хода. Ихними мешками няньки пугают маленьких.

Няnek сколько угодно. У меня когда-то была Матённа, Мария Антоновна Венедиктова, бабушкина приятельница, водила меня по церквам, могла тайно крестить. Мама/бабушка меня не крестили сознательно: вырасту, захочу — дескать, сам крещусь.

В улочках потише, по тротуарам, по пять-шесть мальчиков-девочек в ряд, тянутся группы. Старушка-руководительница разговаривает на иностранном языке.

— Я своего отдала в немецкую группу.

— Мой ходит во французскую.

— И зачем вы своего в английскую?

Я не ходил ни в какую группу. В детский сад за забором тоже.

В Удельной по переулку с деревянным ящиком на плече проходят стекольщики:

— Стюкл' вставлять! Стюкл' вставлять! — Или халтурщики:

— Чиним-паяем, ведра починяем!

Раз в лето объявляется Иван Иванович, отходник из Вьялок. Лопатой на длинной ручке он вычерпывает говно из-под дома и отвозит в железной тележке к яме у ворот.

И в Удельной, и в Москве забредают тощие одноногие шарманщики: *тюрлюрю*. Одноногие они из-за своих одноногих шарманок.

Во дворах торгуют китайскими орешками. Они не вкусные, отдают землей и касторкой, но если облупить и расколоть ядро — на одной половинке вверху — маленькая голова китайца с бородкой.

Бабы разносят малиновых петушков на палочке — ужас мам:

— Сплошная зараза.

В день демонстрации их много на Первой Мещанской.

Первую Мещанскую пробовали назвать Первой Гражданской, потом вернули Первую Мещанскую.

По Первой Мещанской идут люди. Высоких мало. Так мало, что не ленятся произнести длинное прозвище *Дядя-достань-воробушка*.

В простые дни на Первой Мещанской — телеги, сани, фургоны, лошади. Лошадей — как машин. Лошади — неинтересно, машины — разные. Обыкновенные — серые, тощие. Редко-редко посередине промчится солидная черная, лакированная, выпискивающая дискантом что-то вроде:

— Овидий!

На углу Третьей Мещанской у кооператива, у Соколова, — с лотком моссельпромщица. Ириски, тянучки, ракушки с белой или розовой начинкой, шоколадные бомбы — внутри пустые. Говорят, раньше в них были какие-нибудь замечательные маленькие вещицы. Все это дорого.

Заманчивее всего — потому что запретно — самодельные игрушки разносчиков:

Бумажный мячик с опилками на резиночке — хлопнуть по лбу соседа.

Соловей — ярко-красная деревянная втулочка со свинцовым сердечком. Нажимая, вращаешь — изводит скрипучими трелями.

Шмель — глиняный цилиндрок на веревочке и на прутике. Раскрутишь — гудит.

Уйди-уйди — напальчник на трубочке с перемычкой. Надуешь — воет, еще один ужас мам:

— Изо рта в рот, опять сплошная зараза.

Баббитовый пугач с пружиной на винте. Громко стреляет пороховыми пробками, самый большой ужас мам:

— Руку оторвет!

Чтобы победить разносчиков, на Первой Мещанской в маленьком игрушечном магазине мне покупают коробку — как спичечная, но большая: десять солдатиков и командир, раскрашенные, переложены ватой.

Солдатики прибавляются по одному — по два. На Большой Екатерининской показываю бабушке:

— Пехотинец, конник, знаменосец, трубач, пулеметчик.

Дед на бегущего в противогазе в атаку:

— Аташник.

На Капельском, пока мама готовит на кухне, я играю в солдатики на дубовом паркетном полу. Стол один — папин письменный/наш обеденный. По радио передают беседу на тему *Существовал ли Гефсиманский сад?*

Каждое утро в десять часов я слушаю детскую передачу:

Жили в квартире
Сорок четыре,
Сорок четыре
Веселых чижа
Жили в квартире
Злые черные клопы.